

стоит вне пределов 1) петербургско-немецкой поэзии, 2) немецкой школы разума и даже 3) общеевропейского буалоизма.

Отсюда ясна коренная ошибка всей концепции Г. А. Гуковского, который «великолепием» того, что он удачно назвал «спектаклем императорского дворца», непосредственно объясняет «великолепие» ломоносовского стиля.⁸⁵ Но здесь игра двойным значением слова; в первом случае «великолепие» — это амфилады просторных комнат, сложный, театральный церемониал, люстры, наряды, цепь и гирлянды зажженных свечей; во втором — некоторое явление стихотворного стиля, «великолепное» лишь метафорически. Если бы Г. А. Гуковский был прав, то парящим стилем должны бы были писать как раз немцы, профессионалы придворной поэзии, а никак не Ломоносов, прикосновенный к ней лишь случайно, по необходимости, и лишь в первые петербургские годы. Между тем немцы строго следуют буалоистской директиве сдержанности, ясности и прозаичности языка. И не только в Петербурге. Так же, тем же принципиально-прозаическим языком писались придворные оды и в Берлине, и в Дрездене, и даже в «великолепной» Вене. Вопреки концепции Г. А. Гуковского придворным стилем был как раз стиль *terre à terre*.⁸⁶ Следовательно, парение не имеет ничего общего с придворной культурой.

Вообразим на минуту, что Ломоносов был бы учеником маринистов (каким действительно, хоть частично, был Ив. Голеневский). Тогда краски и камни, киноварь, бирюза и топазы расцвели бы его стихи. Было бы нетрудно (и тоже неверно) объяснить и этот его стиль из того же великолепного «спектакля императорского дворца» — между тем маринизм в Германии был типично бюргерским литературным явлением (ЗС, с. 160—166). Очевидно, функция парения гораздо сложнее (и значительнее), чем это представляется Г. А. Гуковскому.

Какова эта функция, может быть выяснено только отдельным исследованием, которое уже потому не входит в рамки настоящей работы, что парение совершенно чуждо школе разума (и буалоизму) и имеет совершенно другие исторические корни. Но как к ним подойти? Есть ли в западной оде аналогии ломоносовскому стилю? Есть ли прямые западные источники?

Г. А. Гуковский указал однажды на Грифиуса и всю «поэтику немецкого барокко».⁸⁷ Это верно лишь в самом общем смысле отдаленной аналогии. Лирика Грифиуса представлена главным образом несколькими сотнями сонетов. Если помнить строгость жанрового мышления той эпохи, достаточно уже этого, чтобы вопрос о Грифиусе отпал. Просмотр его стихов привел нас к выводу, что Ломоносов, может быть, Грифиуса вообще и не читал, что несколько не удивительно: отвергнутое либо забытое

⁸⁵ Там же, с. 14.

⁸⁶ «Прозаичный» (франц.).

⁸⁷ Сумароков А. П. 1935, с. 334. (В сер. «Б-ка поэта»).